

СТИХИ.

Ласковый ликъ красоты отражаетъ безуміе боя,
Странныя сказки любви, звуки, мечты и слова.
Такъ у источенныхъ скалъ, орошенныхъ слезами прибоя.
Въ стонущемъ морѣ дрожитъ вѣчныхъ небесъ синева.

Если тебѣ ни чужда орифламма великаго Феба,
Если понятенъ тебѣ жизни таинственный зовъ,
Въ пятнахъ лазурныхъ сумѣй различить озаренное небо,
Въ бликахъ дрожащихъ пойми вѣчные сны облаковъ.

SOMMEIL NOIR.

„Un grand Sommeil noir
Tombe sur ma vie...“

P. Verlaine.

Въ цѣпяхъ.

К. А. Шараповой.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы.

К. Д. Бальмонтъ.

Все кругомъ на долгій сонъ похоже.
Неизмѣненъ тихій бѣгъ минутъ...
Неужели завтра будетъ то же?
Неужели цѣпи не спадутъ?

Міръ идетъ отъ царства снѣга къ маю,
И опять молчитъ въ холодномъ снѣ...
Твоего лица не различаю,
Наклонись, любимая, ко мнѣ.

Мы давно стоимъ въ глубокомъ склепѣ...
Лунный свѣтъ становится блѣднѣй.
Шевелятся медленныя цѣпи,
Бродятъ блики матовыхъ огней...

Заглушенъ таинственнымъ жилищемъ
Шумъ людской не можетъ къ намъ скользнуть...
Въ яркихъ снахъ забвенья мы не ищемъ,
Сталь колецъ въ объятьи жалитъ грудь...

Въ щель окна глядитъ полоской дальней
Царство снѣга, царство серебра...
Профиль твой туманный и печальный,
Профиль твой блѣднѣе чѣмъ вчера...

Абрисъ губъ твоихъ сегодня строже...
Неизмѣненъ тихій бѣгъ минутъ.
Неужели завтра будетъ то же?
Неужели цѣпи не спадутъ?

Призывы разсвѣта скользнули по шторѣ,
По смутнымъ колоннамъ темнѣющей залы,
И пѣсни про море, далекое море
Мы громко запѣли, поднявши бокалы.

Сжимались сердца отъ неясной печали
И помнилась ночь огневого позора.
Усталыя женщины медленно стали
Въ ряды вдохновенно звенящаго хора.

Царила дремота туманности ранней,
А странные звуки дрожа говорили
О буряхъ безбрежныхъ, о буряхъ безъ граней,
О счастьи прибоя, о радужной пыли.

Свѣтлѣющій сумракъ разсѣялся вскорѣ
И брызнули краски могучаго свѣта...
А пѣсня про море, далекое море,
Была позабыта, была недопѣта.

Я лицо таинственно закрою.
Я покорна, я осуждена.
Между мной и яркою землею
Протянулась тонкая стѣна.

Я вернуться къ вамъ была бы рада,
—Ваша жизнь залитый солнцемъ храмъ—
Но крѣпка стеклянная преграда,
Недоступна просьбамъ и мольбамъ.

Страненъ цвѣтъ прозрачно тонкихъ стѣнокъ.
Онъ упалъ на все, что вижу я.
Голубой, таинственный оттѣнокъ
Заслоняетъ краски бытія.

Звукъ рѣчей, могучій возгласъ боя,
Шопотъ гимновъ, пѣсни мутныхъ залъ,
Словно шумъ далекаго прибоя
Мнѣ доноситъ медленный кристаллъ

На людей усталыхъ вереницы.
На расцвѣты вѣчно юныхъ травъ,
Я смотрю, какъ узникъ изъ темницы,
Къ голубой поверхности припавъ.

PRINCESSE NOCTURNE.

А. А. Сидорову.

Пока разсвѣтъ еще далекъ
Блуждаю въ паркѣ, тьмой объятомъ.
Моя душа ночной цвѣтокъ,
Цвѣтокъ съ порочнымъ ароматомъ.

Когда отъ царства древней мглы
Нисходитъ къ намъ глухое море,
Когда ростутъ его валы
И темной влагой гасятъ зори.

Когда отъ сумрачной тоски
Рыдаетъ міръ въ сѣдомъ туманѣ—
Я раскрываю лепестки
Своихъ причудливыхъ желаній...

Они цвѣтутъ кощмарнымъ сномъ
Пока жива ночная сила,
Но ихъ мучительнымъ виномъ
Я никого не упоила.

Одна брожу во мглѣ дорогъ
И становлюсь безумной снова,
Едва томительный востокъ
Блеснетъ, какъ бѣлый взглядъ слѣпого...

ВЕЧЕРЪ.

Темнѣетъ западъ. Міръ стоитъ на грани.
Ростетъ внизу волна вечернихъ чаръ.
Покорно тонетъ въ синемъ океанѣ
Осенній умирающій бульваръ.

Кресты церквей еще горятъ багрово.
Всѣ шумы дня въ далекій гулъ слились.
Душа ясна, какъ блѣдный взглядъ слѣпого,
Душа ясна, какъ мирный кипарисъ.

Давно растаялъ въ ласковомъ туманѣ
Былого дня докучный блескъ и зной,
И только облака воспоминаній
Плывутъ неторопливой чередой.

QUIES.

Еще темнѣютъ медленныя тучи...
Она ушла, весенняя гроза.
На вѣткахъ липъ блеститъ ея слеза,
И дышитъ лугъ, усталый и пахучій.

Весь міръ—алмазъ, опалъ и бирюза.
Въ моей душѣ опять восторгъ пѣвучій,
Но я хочу молчать, закрывъ глаза,
Подъ мирный шопотъ гаснущихъ созвучій.

Какъ хорошо... Такой дремотой спятъ,
Ушедшіе съ востока на закатъ,
Усталые, безмолвные скитальцы.

Сквозь дымку сна я вижу Свѣтлый Ликъ;
Благословляя высохшій родникъ
На грудь мою легли святые пальцы.

Свѣтлымъ сердцемъ Твой приходъ пріемлю.
Всѣ мечты спокойны и легки.
Бѣлымъ роемъ падаютъ на землю
Райскихъ розъ святые лепестки.

Какъ недавно рдѣли вѣтви сада
Похороннымъ блескомъ паутинъ!
На кострѣ больного листопада
Міръ сгоралъ, какъ падшій властелинъ.

Каждый день осеннія печали
Въ сердце мнѣ вонзали остріе,
Каждый день уста мои шептали:
Да пріидетъ царствіе Твое!

Ты пришла, царица съ бѣлымъ взглядомъ,
Ты пришла, спокойной мглой дыша!
Какъ покорно ласковымъ отрадамъ
Отдается скорбная душа!

Сдѣлай душу тихой какъ могила!
Мирной тѣнью сердце осѣни!
Пусть прозрачнымъ облачкомъ кадила
Поплывутъ утишенные дни!

Пусть покроютъ зыбкіе туманы
Желтизну осенняго листа,
Позднихъ птицъ ночные караваны.
И давно алѣюшія раны
На челѣ усталаго Христа.

У ГРОБА.

Н. Н. Лямину.

Я одинъ въ безмолвіи зала,
И ея не будетъ со мной...

Не печалься, она устала,
А усталымъ нуженъ покой.

Неужели смерть и могила
Не смутила ея мечты?

Передъ смертью она говорила:
На могилахъ ростутъ цвѣты.

Но зачѣмъ же страхомъ упорнымъ
Омрачился послѣдній бредъ?

Ты забылъ священника въ черномъ?
Онъ сказалъ ей, что смерти—нѣтъ.

PRIMAVERA.

ПРОЩАНІЕ СЪ СОЛНЦЕМЪ.

Погасли тихо въ закатномъ свѣтѣ,
Погасли тихо твои черты.
Мы въ странныхъ грезахъ стоимъ какъ дѣти
И смутно смотришь на вечеръ ты.

И это солнце уйдетъ куда-то...
Быть можетъ, любишь и жаждешь ты,
Ни все погасло, что было свято,
Погасли тихо твои черты.

Вечерній воздухъ прозрачно-звонокъ.
Нисходитъ святость ночной мечты,
А я рыдаю—больной ребенокъ—
И тихо гаснутъ твои черты.

ВЪ ВАГОНѢ.

Мѣрно стучатъ, убѣгая, колеса,
Мѣрно качается длинный вагонъ.
Блики ложатся багрово и косо.
Мысли и грезы сплетаются въ сонъ.

Ты замолчала, моя дорогая...
Въ сѣрыхъ глазахъ засвѣтилась печаль..
Полно. Не мы ли, кумиры сжигая,
Взглядомъ искали завѣтную даль?

Полно, не мы ли съ прошедшимъ порвали,
Сталью разрѣзали цѣпкую нить,
Жаждали плавать въ трепещущемъ валѣ,
Жаждали вѣрить, желать и любить?

За руки взявшись, мы встрѣтимъ буруны,
За руки взявшись пойдемъ за судьбой...
Мы ли не царственны? Мы ли не юны?
Мы ли не встрѣтимъ ликующій бой?"

...Нѣтъ, на губахъ умираютъ призывы...
Допогъ мучительно медленный путь.
Блики заката багровы и лживы,
Смутно и странно сжимается грудь.

Словно на встрѣчу надеждамъ и маю
Въ окна вагона врывается громъ...
Я безотчетно и крѣпко сжимаю
Блѣдную руку съ жемчужнымъ кольцомъ.

Грустно слѣдишь ты за лентой откоса...
Локоны выбились, взглядъ утомленъ...
Мѣрно стучатъ, убѣгая колеса,
Мѣрно качается длинный вагонъ.

НИТЬ ПОРВАНА.

Я весь охваченъ свѣтлою пустыней.
Осенній день прозраченъ какъ хрусталь.
Траву покрылъ холодный, бѣлый иней,
Въ струяхъ ручья блеститъ нагая сталь.

Давно, давно увяли листья парка
Какъ тайный смыслъ давно забытыхъ строкъ.
Отчетливо, безтрепетно и ярко
Я вижу каждый тонкій стебелекъ.

Уходитъ вдаль прозрачная картина
До мутныхъ сновъ безжизненной рѣки.
А я одинъ. Блеститъ огонь камина,
Горятъ твои душистые листки.

Они горятъ огнемъ прозрачно синимъ.
Еще трепещетъ тонкій ароматъ.
Мелькаютъ строки: „жалкій міръ покинемъ,
„Уйдемъ туда, гдѣ страсти нѣтъ преградъ".

Я помню время. Грезы насъ вѣнчали...
Я былъ поэтъ. Я былъ безумно смѣлъ...
Исчезло все. Ни страсти, ни печали.
Послѣдній пепелъ тихо догорѣлъ.

Передъ тобой высокая эстрада,
Восторгъ толпы слѣпитъ твои глаза—
А я одинъ. Мнѣ ничего не надо.
Осенній день прозраченъ какъ слеза.

Все прошлое безумною борьбою
Въ твоей душѣ навѣки сожжено.
Въ ней холодно, пустынно и темно;
Вотъ почему мнѣ сладко быть съ тобою.

Закатъ угасъ... Волною голубою
Ночная мгла вливается въ окно...
Земля сказала темному прибою:
Возьми меня... Возьми... Мнѣ все равно.

Мы въ тихой безднѣ мирно потонули
Какъ пара птицъ, летящихъ на ночлегъ.
Мой тихій другъ, ты хочешь знать, люблю ли?

Люблю тебя, какъ листья любятъ снѣгъ...
Я такъ усталъ, мои мечты уснули,
И ласковъ шелкъ твоихъ тяжелыхъ вѣкъ.

LIEBES STERBEN.

Удары минутъ на часахъ умирающихъ строги,
И мы до разсвѣта въ темнѣющей комнатѣ—двое,
...Монахиня тихо идетъ по далекой дорогѣ,
Въ ажурныхъ деревьяхъ мелькаетъ лицо восковое.

Она по ковру разстилаетъ багровые маки,
И влажными пальцами нервно раскинула косы.
Морозъ на окнѣ начертилъ эфемерные знаки
Съ увядшихъ листовъ улетаютъ забытыя росы...

Часы вспоминаютъ о чемъ-то далекомъ и старомъ.
Мы ждемъ наступленія мрака спокойно и строго,
Сердца содрогаются тихимъ и ровнымъ ударомъ,
Далеко, далеко въ деревняхъ чернѣетъ дорога.

Монахиня тихо идетъ по далекой дорогѣ,
Ажурныя вѣтви закрыли лицо восковое.
Темнѣютъ окрестности. Нѣтъ ни любви ни тревоги.
И насъ до разсвѣта въ затихнувшей комнатѣ—двое.

Въ часъ вечерній, въ часъ разлуки,
Я смотрю въ твое лицо.
Въ часъ вечерній наши руки
Сплетены въ одно кольцо.

Сквозь отворенныя двери
Влагой дышетъ синій садъ.
Въ нашихъ думахъ—грусть потери.
Въ нашемъ шопотѣ невнятномъ
Страсти ласковый закатъ.
Скоро станетъ невозвратнымъ
Каждый шорохъ, каждый взглядъ...

Въ часъ вечерній смѣхъ и муки
Сплетены въ одно кольцо.
Въ часъ вечерній, въ часъ разлуки
Такъ спокойно сжаты руки,
Такъ свѣтло твое лицо.

TO MR, V. LEDNIZKY.

Lines, writen after his giving me a white tuberose.

Love is not a hopeful madness,
Love is not a sparkling glee—
O, in it we know the sadness
Of the near eternity.

Such a thought with mighty power
O my dearest, grieveth me
When J kiss your gracy flower,
Smelling strangély, fair to see.

А. А. Сидорову.

Мы пили чай изъ блѣдно-синихъ чашекъ,
Вдали шумѣлъ покорный вальсу балъ.
И мой жемчужный, тонкій карандашикъ
Чертилъ тебѣ небрежный мадригалъ.

А ты смотрѣлъ безъ слова, безъ движенья
Забывъ про міръ, забывъ про яркій прахъ,
На четкость своего отображенья
Въ моихъ остановившихся глазахъ.

Толпа шумѣла... Люди проходили,
Безцвѣтные, какъ стертое клише.
И было безмятежно, какъ въ могилѣ
Въ моей давно утихнувщей душѣ.

Осенніе стансы.

I.

Одинъ брожу по свѣтлымъ горамъ,
Спокойнымъ холодомъ дыша,
И только смертью и просторомъ
Полна остывшая душа.

Въ краю, гдѣ зной, тоска и стѣны
Питаютъ пасмурные сны,
Лишь ты одна чужда измѣны,
Пора предсмертной тишины!

Къ моимъ дверямъ, какъ горній воинъ,
Ты съ мирной вѣстью подошла...
Да будетъ вечеръ мой спокоенъ,
Да будетъ ночь моя свѣтла.

II.

Нисходитъ ночь прохладнымъ сводомъ.
Осенній сумракъ чистъ и нѣмъ.
Утихшій міръ по темнымъ водамъ
Плыветъ въ обѣщанный эдемъ.

Твои довѣрчивыя руки
Легли на голову мою...
Я все безуміе разлуки
Глубо́ко въ сердцѣ затаю.

Пускай въ безмолвіи великомъ
Надъ нами гаснетъ мертвый садъ
И за твоимъ склоненнымъ ликомъ
Какъ Божій нимбъ, горитъ закатъ....

III.

Поля дышали пылью и полынью,
Дышали гарью тлѣющихъ лѣсовъ...
Мы тихо шли, покорные унынью
Туда, гдѣ нѣтъ цвѣтовъ и голосовъ.

Изъ мертвой тьмы недавняго былого
Чредой вставали тягостные сны,
И ни одно довѣрчивое слово
Не озарило скорбной тишины.

Когда меня шипами увѣнчали,
Ты подала предсмертное вино—
И эти узы гнѣва и печали
Моей душѣ расторгнуть не дано.

I.

Про пустыню юности, печальной и грѣховной,
Про года, угасшіе въ безрадостной борьбѣ,
Я въ минуту сладкую усталости любовной
Съ тихой безнадежностью разсказалъ тебѣ.

Словно ангелъ мраморный, склоненный надъ гробни
Ты ко мнѣ приблизила холодныя уста.
Въ небѣ птицы позднія летѣли вереницей,
Тамъ, надъ темнымъ городомъ, даль была чиста.

II.

Скрестивъ довѣрчивыя руки,
Ты вся теперь покой и прахъ,
Зачѣмъ же горечь тайной муки
Еще жива въ нѣмыхъ чертахъ?

Ужели въ тихій часъ причастій,
У входа въ мирный садъ Христа,
Безмолвный демонъ прежней страсти
Склонилъ къ тебѣ свои уста,

И ты сошла въ обитель Божью,
Какъ соблазненный серафимъ,
Съ невѣрнымъ взоромъ, робкой дрожью
И грѣшнымъ именемъ моимъ?

III.

Я людей ликующихъ миную
Въ неизмѣнно тихомъ полуснѣ,
Какъ больной минуетъ тьму ночную,
Покоряясь призрачной лунѣ.

Что пьянило радостью когда-то
Иль тоской туманило чело,
Все въ часы покоя и заката
Отъ души угасшей отошло.

Но жива послѣдняя отрада—
Уходить въ безмолвье, тишь и мракъ...
Дологъ путь. Меня будить не надо.
Твердъ и ясенъ мой спокойный шагъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы собрали эти стихотворенія потому, что для каждаго изъ насъ они знаменуютъ нѣкоторый вполнѣ опредѣленный и законченный эпизодъ жизни и литературныхъ занятій. Мы издали ихъ потому, что у нашей музы есть друзья, и намъ было бы отрадно пріобрѣсти новыхъ. Мы сдѣлали это вмѣстѣ, думая, что женское творчество умѣстно сочетать съ мужскимъ; вѣдь отчетливый рояль — хорошій аккомпаниментъ для таинственной скрипки.

Большинство стихотвореній печатается здѣсь впервые; съ другой стороны, нѣкоторыя изъ появившихся уже въ печати пьесъ мы не сочли нужнымъ повторять на страницахъ этого сборника.

Стихи расположены не въ хронологическомъ порядкѣ и не датированы. Намъ не кажется, что точныя свѣдѣнія о времени написанія какой-либо пьесы могутъ доставить хотя бы малѣйшее удовольствіе читателю. Правда, онѣ облегчаютъ задачу критики, но современной критикой мы интересуемся очень умѣренно, а до будущей эта книжечка, разумѣется, не доживетъ.

А. Романовская.
Димитрій Ремъ.

Москва, 10 Марта 1913 г.

ДИМИТРІЙ РЕМЪ.

I.

Опять брожу по свѣтлымъ горамъ,
Осеннимъ холодомъ дыша,
И только смертью и просторомъ
Полна остывшая душа.

Въ краю, гдѣ зной, тоска и стѣны
Питаютъ пасмурные сны,
Лишь ты одна чужда измѣны
Пора предсмертной тишины.

Къ моимъ дверямъ, какъ горній воинъ
Ты съ мирной вѣстью подошла...
Да будетъ вечеръ мой спокоенъ,
Да будетъ ночь моя свѣтла.

II.

УРНА.

Я отыскалъ ее въ глуши,
Среди томленья, увяданья,
Какъ находилъ на днѣ души
Нежданныя воспоминанья.

Молчали стертыя слова.
Тревожной, безнадежной дрожью
Роптала мертвая трава
И льнула къ бѣлому подножью.

А тамъ — съ холодной высоты,
Зажженной поздними лучами —
Приговоренные листы
Склонялись блѣдными струями.

III.

Опять томитъ осенній зной,
Томитъ опять.
Сестра, скажи мнѣ, что со мной?
Безумной грусти не понять.

Пройдешь полями въ теплой мглѣ,
Въ червонный спустишься оврагъ —
Пронзаетъ болью каждый шагъ
По умирающей землѣ.

О, какъ дремоту возвратить?
Тоску слѣпую чѣмъ унять?
Ужели знать? Ужели жить
Опять, опять?!

IV.

Блаженъ, кто радость поцѣлуя
Нежданно раздѣлилъ съ тобой:
Невиннымъ холодомъ волнуя,
Нездѣшней вѣя чистотой.

Одну дѣвичью неумѣлость
Не сберегли уста твои:
Въ нихъ гроздій виноградныхъ зрѣлость
И сладость поздняго Аи.

V.

ЛЮТИКЪ.

Вознесешь ли въ тихомъ полѣ
Зыбкій стебель свой,
Или дрогнешь въ темномъ долѣ
Искрой золотой —

Далека отъ злого шума
Тягостнаго дня
Чья-то благостная дума
Вспомнитъ про меня.

VI.

На влагѣ тихаго прилива
Дрожала первая звѣзда;
Однообразно и тоскливо
Перекликались поѣзда.

И въ мигъ, исполненный печали
Давно оплаканныхъ потерь,
Одежды смутно прошуршали,
Безшумно распахнулась дверь.

Дыша вечерними цвѣтами,
И безмятежна, и чиста,
Ты нераскрытыми устами
Нашла умолкшія уста.

VII.

Волны разбились: измученный взоръ успокой.
Все роковое съ послѣдней отхлынетъ волной.
Вечеръ въ водѣ содрогается дрожью безсилья,
Музыка дальняя гдѣ-то расправила крылья.

Счастье и горе — пустыя людскія слова!
Звукъ ихъ незвученъ, и скудная жизнь ихъ
мертва;
Тихо со мной отлетая въ ночное безстрастье,
Развѣ душа вдохновенная вспомнитъ о счастьѣ?

VIII.

Все глуше сѣть тропинокъ трудныхъ,
Но лѣсъ могильный — все свѣтлѣй.
Здѣсь нѣмота церквей безлюдныхъ,
Миръ опустѣвшихъ алтарей.

А надъ затишьемъ погребальнымъ,
Гдѣ блѣдная раскрыта высь,
Узоромъ пламенно-хрустальнымъ
Вершины хрупко заплелись.

Забудешь о земныхъ истомахъ,
Поникнешь свѣтелъ, недвижимъ.
И самый скрипъ шаговъ знакомыхъ
Пахнетъ напраснымъ и чужимъ.

IX.

АНГЕЛУ СМЕРТИ.

У вратъ лазурныхъ мы разстались двое
И вышли въ путь, и встрѣтились въ ночи...
Разсвѣтный ангелъ, пощади земное,
Въ краю пустынномъ насъ не разлучи!

Когда судьба всѣ повѣсти разскажетъ,
Когда умретъ послѣдняя мечта,
Когда на грудь пустое сердце ляжетъ
И встрѣтятся безтрепетно уста,

Тогда промолви роковое слово!
Забытый путь усталымъ укажи
И увѣнчанья изъ листвы дубовой
На два чела прощально возложи.

Но возвѣщая новое скитанье,
Ты нераздѣльной сладостью взволнуй
Земной любви послѣднее лобзанье
И новой страсти первый поцѣлуй.

X.

Еще не время въ забытьи
Сомкнуть застѣнчивыя вѣжды;
Сначала темныя твои
Облобызать позволь одежды!

Такъ въ полдень, отыскавъ сирень,
Разгоряченными устами
Сперва листвы вдыхаю тѣнь
И лишь потомъ упьюсь цвѣтами.

XI.

О, стройный ропотъ кленовъ упоенныхъ
Въ полдневный часъ!
Прошелъ порывъ среди лѣсовъ безсонныхъ
И вновь погасъ.

Въ нѣмой тиши нежданно колыханье
Вершинъ златыхъ.
Земли, быть можетъ, тяжкое дыханье
Колеблетъ ихъ?

Иль дуновеньемъ въ воздухѣ согрѣтомъ
Скользнула Ты,
И долгожданнымъ, трепетнымъ привѣтомъ
Дрожатъ листы?

XII.

Я на порогѣ не прощаюсь,
Не знаю поздняго стыда,
И, уходя, не возвращаюсь,
Не примиряюсь никогда.

Не говори: „въ десницѣ рока
Что отпаденья легкій мигъ?“
Твои черты уже далеко,
Уже невнятенъ твой языкъ.

О, слей въ томительное жало
Всю боль упрека твоего —
Я улыбнусь тебѣ устало
И не отвѣчу ничего.

XIII.

Помедлилъ день въ аллеяхъ сада,
Заря далекая блѣдна...
Какая странная отрада!
Осталась только тишина.

А были, были дни страданій
И вотъ душа сказала: „нѣтъ“.
Я ухожу... О, дай рыданій;
Да будетъ казнью твой отвѣтъ!

Но ты глядишь въ нѣмомъ покоѣ,
И тихо, тихо стынетъ кровь...
О сердце бѣдное людское!
О мимолетная любовь!

XIV.

Не мучь любовью, не мучь борьбою,
Смирился пламень, потухъ мятежный;
Въ холодномъ небѣ летимъ съ тобою,
Роняя слезы на бархатъ снѣжный.

Былое блѣдной сгораетъ зорькой...
Святись Подавшій, святись Пріявшій!
Вкусимъ, жена, услады горькой:
Холодной тьмы, навѣки вставшей.

XV.

Опять даришь томительное счастье,
Мятежный снова зажигаешь зной...
О, въ горькое не вѣруй сладострастье!
Прощальныхъ бурь не называй весной.

Нѣтъ, на землѣ измѣнчивой и шумной
Послѣдній путь свершаешь нынѣ ты,
И все равно Офеліи безумной
Кому дарить предсмертные цвѣты.

XVI.

Былому счастью твердимъ проклятье,
Жестокой рѣчью страданья множимъ
И вдругъ сольемся въ нѣмомъ объятьѣ
И рукъ безумныхъ разнять не можемъ...

А въ каждомъ сердцѣ вскипаетъ мука,
Томится каждый тоскою мести...
О Боже правый, страшна разлука,
Грѣшна разлука сплетенныхъ вмѣстѣ.

XVII.

...И дни мои какъ злакъ сѣчетъ.
Державинъ.

Темнѣетъ умъ, остыло вдохновенье,
Пора, пора остаться одному!
Въ мою тоску, въ мое изнеможенье
Тебя ли, нѣжную, приму?

А помнишь день? Безъ клятвы, безъ обѣту,
(Рѣчей любви — и тѣхъ не обмѣнивъ)
Молитвенно ты предалась поэту,
И въ дѣтскій я увѣровалъ порывъ.

Вечерній путь не просвѣтлѣетъ болѣ;
Тамъ — позади — потерь не перечесть!
Но все душа не отгоритъ — доколѣ
Ей на землѣ одна святыня есть.

XVIII.

...Наша мертвая любовь.
В. Брюсовъ.

Желанья упоила ядомъ,
Огнемъ исполнила тѣла,
Взглядъ усладила милымъ взглядомъ,
Но совершивъ — изнемогла.

И вотъ, къ нѣмой святынѣ гроба,
Гдѣ тлѣнье примирило всѣхъ,
Опять несетъ людская злоба
Пустую рѣчь и праздный смѣхъ.

О Боже, вервіемъ жестокимъ
Святившій оскорбленный храмъ!
Сердцамъ печальнымъ, одинокимъ,
Изнемогающимъ сердцамъ

Ты далъ отраднаго горѣнья:
Но въ этотъ годъ тоски и лжи
Бичомъ холоднаго презрѣнья
Своихъ рабовъ вооружи!

XIX.

Стѣны бездонными сводами сдавлены,
Тусклы огни почернѣвшихъ иконъ
Темныя ризы у входа оставлены,
Холодомъ вѣетъ безгрѣшный хитонъ.

Горе пустынное, счастье безплодное,
Смутныя сказки докучной толпы —
Все исповѣдало сердце холодное,
Все отряхнули стопы.

Въ темную скинію, скорбную скинію
Нынѣ вступаю безъ гимновъ и слезъ...
Страшенъ грядущій нагою пустынею
Мертвенно свѣтлый Христосъ.

XX.

Смутныя игры тѣней, огней колыханье
Темныхъ, покинутыхъ залъ неясные звуки...
Вѣки сомкнулись твои; слабѣетъ дыханье;
Тяжко легли на меня холодныя руки.

Кто-то изъ ночи пришелъ; стоитъ у порога,
Шепчетъ увядшей листвой устало и нѣжно:
„Въ домѣ Отца Моего обителей много,
Въ домѣ Отца Моего отрадно и снѣжно“.

XXI.

Скрестивъ довѣрчивыя руки
Ты вся теперь—покой и прахъ.
Зачѣмъ же горечь тайной муки
Еще жива въ нѣмыхъ чертахъ?

Ужели въ тихій часъ причастій,
У входа въ мирный садъ Христа,
Безмолвный демонъ прежней страсти
Склонилъ къ тебѣ свои уста.

И ты сошла въ обитель Божью
Какъ соблазненный серафимъ,
Съ невѣрнымъ взоромъ, робкой дрожью
И грѣшнымъ именемъ моимъ?

XXII.

...e nel pensar m'assale
Una pietà si forte di mi stesso...

Petrarcha.

Въ ночныхъ рыданьяхъ содрогаюсь снова,
Отчаянья опять твержу языкъ
Когда изъ тихихъ заводей былого
Твой истомленный выплываетъ ликъ.

Забытый другъ! То не любовь, не жалость
Душѣ привычный развѣваютъ сонъ:
Вся дольняя встаетъ во мнѣ усталость,
Вся боль временъ.

Любили мы, и отгорѣли оба;
Но въ сумрачный ты отошла предѣлъ,
А я живу, хотя для таинствъ гроба
Еще мучительнѣй созрѣлъ.

XXIII.

Края небесъ уже румяны
И предразсвѣтно высоки,
Но тихи смутные туманы
У холодѣющей рѣки.

Не скоро вѣтеръ утомленный
Въ окно метнетъ ползучій хмель
И воздухъ сонный, упоенный,
Пронижетъ дальняя свирѣль.

Уснуло давнее страданье,
Въ усталомъ сердцѣ нѣтъ огня,
И такъ отрадно ожиданье
Еще невѣдомаго дня.

XXIV.

Ни облаковъ, ни сосенъ, ни селеній.
Весною ранней я въ поляхъ опять...
Доколѣ пѣть отраву оскорбленій?
Тоску обидъ доколѣ обновлять?

Тоска обидъ — она со мной пребудетъ
(Лишь отъ могилы отойдетъ она),
Но спитъ душа: не помнитъ и не судитъ,
Забыла дни и стерла имена.

Надъ позднимъ снѣгомъ, пасмурнымъ и топкимъ
Ты свѣжъ какъ прежде, вздохъ родныхъ полей...
Повѣй, повѣй и поцѣлуемъ робкимъ
Уста мои навѣкъ запечатлѣй.